
Иван КАТКОВ

НАД ГНЕЗДОМ СИНИЦЫ

Повесть

Больше двух месяцев я сидел без работы. Каждое утро просыпался от недовольного бормотания жены.

— У всех мужики как мужики, — доносился ее сонный голос из кухни, — один этот — дармоед несчастный.

Я не обижался. Она была права. Я нигде не задерживался больше чем на полгода. Шесть месяцев — это мой предел. Нормальная история для дебошира, прогульщика или пьяницы. Но я не прогуливал, выпивал редко, а уж дебошир был совсем никудышный. Я пережил сокращение штата, служебное несоответствие, истечение срока договора. Много чего, всего и не упомнишь.

— Все, хватит ляжки тянуть, — однажды заявила Маринка.

Она недобро приблизилась ко мне и кинула на стол огрызок тетрадного листа с телефонным номером.

— Что это? — спросил я.

— Чтобы завтра с утра позвонил. Компания «Синицы». Они мясом торгуют и пельмени производят. Им вроде как пиарщик нужен...

* * *

Через пару дней меня пригласили на собеседование. Я сел в маршрутку и доехал до площади Революции. Затем прошел вниз по улице и оказался у синего двухэтажного здания, огороженного кирпичным забором. Из ворот выезжала «газель» с надписью «ООО „Синицы“» на фургоне-холодильнике.

— Куда? — спросил толстый охранник на проходной.

— На собеседование, — нагнувшись к стеклянному окошку, ответил я.

— Паспорт.

Он быстро записал мои данные в потрепанный журнал.

— Второй этаж, — охранник вернул паспорт и открыл турникет.

Поднявшись по крутой металлической лестнице, я отыскал отдел кадров. Крайняя в голубых джинсах всучила мне какие-то листки и усадила за столик в коридоре. Это оказался тест на IQ.

— Отвечайте, через полчаса подойду.

Я полистал сшитые степлером страницы. Сорок заданий. Одно веселей другого. Особенно порадовало: «Если бы я мог жить нормальной половой жизнью, то...» или «Если бы я не страдал психическими отклонениями, то...».

Наспех ответив, я отложил тест.

Иван Олегович Катков родился в 1986 году в Казахстане, в г. Актюбинске. Учился в Нижегородском государственном университете им. Лобачевского (филфак). Публиковался в журналах «Великоросс», «Слово», «Пролог», «Русский переплет», «Сетевая словесность», «Начинающий писатель», «Гостиная» и др. Живет в г. Дзержинске Нижегородской области.

У двери отдела кадров увидел плакат, неумело нарисованный акварелью. Желто-брюхая синица на заснеженной еловой ветке. Символ компании. Креативно.

Подошла девушка.

— Вы закончили?

— Да. Вот, возьмите, — я протянул листы.

— Хорошо. Теперь пройдите прямо по коридору и подождите директора в приемной.

В приемной на облезлом кожаном диване сидели двое. Молодой парень с жидкой бородкой и полная женщина лет сорока. Пигалица секретарша сновала из приемной в коридор с трубкой радиотелефона в руке. Я присел на стул у двери директорского кабинета.

Начальница явилась только через час. Высокая, с широкими мужскими плечами и короткой стрижкой. На ней были сиреневые лосины, вязаный балахон до колен и меховая горжетка на плечах. По-моему, именно так должна была выглядеть Салтычиха. Помещица-садистка, убившая в восемнадцатом веке несколько десятков крепостных. Я вошел в кабинет. Ольга Викторовна сидела в высоком кресле за длинным Т-образным столом. Я устроился слева от нее.

— Интересное у вас резюме, Кирилл, — сказала она, разглядывая листы.

Я молчал.

— Очень интересное... Значит, вы работали экскурсоводом, помощником токаря, курьером, журналистом, та-а-ак, что еще... продавцом, почтальоном, копирайтером... Господи, даже уборщиком поработали?

— Да, мыл унитазы в спортклубе.

Мысленно я уже вернулся домой и получил от Марины по шапке.

— Ну ладно, — директриса отложила мое резюме, — мы вам позвоним.

Я раскланялся и вышел из кабинета.

* * *

В понедельник я был в офисе. Он оказался довольно просторным. Пластиковые жалюзи, компьютеры, сканеры-принтеры, на шкафчике микроволновка с электрическим чайником, под потолком кондиционер.

В офисе работали трое. Невзрачный мужичок лет сорока, блондинка в прозрачной блузке, и парень с бородкой.

— Ребята, знакомьтесь, — сказала секретарша, — это наш новый пиар-менеджер Кирилл.

— Очень приятно, — вяло отозвались мужичок и блондинка.

Парень откупился коротким кивком.

Секретарша подошла к столу блондинки:

— Наш менеджер по закупкам Анна, а Сергей Олегович и Дмитрий — менеджеры по продажам. Кстати, у Димы сегодня тоже первый день.

Парень равнодушно глянул на меня поверх монитора.

* * *

Прошла неделя. Я писал статьи и пресс-релизы. Темы получал от начальницы по электронной почте. Вообще, Салтычиха редко появлялась в офисе, предпочитая контролировать нас удаленно. Ежедневно мы строчили отчеты о проделанной работе, расписанные едва ли не поминутно. В конце дня каждый работник был обязан предоставить свою рукопись секретарше. А та опускала бумажку в небольшой кон-

тейнер. Вижу, как жадно вытряхивала Ольга Викторовна внутренности пластикового сосуда на свой стол.

Однако самое подлое, что нам приходилось делать, так это стучать на своих коленях. Доносы друг на друга всячески поощрялись, а уклонистов ждал выговор. Чтобы избежать вызова на ковер, я не закладывал сослуживцев, а сочинял невинные байки. Например: «Сергей Олегович забыл прикрыть дверь в офис, и сквозняком мне надуло спину».

* * *

Я стал общаться с Димой. С другими сотрудниками держал дистанцию. Да и они не страдали от недостатка моего внимания. Дима только отслужил в армии, занимался тяжелой атлетикой и, несмотря на молодые годы, уже успел развестись. Я рассказывал ему о Хармсе, а он называл меня дрищем и тянул в тренажерный зал.

В пятницу, после обеда, в офис заглянула секретарша.

— Для всех напоминаю: в пять собрание, — сказала она.

— Зашибись, — вполголоса проговорил Дима.

На собрании присутствовали мастера производства, главный инженер по фамилии Зяблик, девчонки из бухгалтерии и наш офис. Все расселись за круглым столом и тихо переговаривались. Аня раскрыла косметичку и стала подкрашивать ресницы. Пришла Ольга Викторовна. На плечах горжетка, на согнутом локте — кожаная сумочка. Салтычиха вынула из сумочки небольшую бронзовую статуэтку синицы, трижды поцеловала в клюв и поставила на стол. После этого опустила в кресло.

— Этим я, по-вашему, должна заниматься? Да, Павел Алексеич?

— Виноват, — пробубнил Зяблик.

— Чтобы в следующий раз тотем был на месте!

— Хорошо, Ольга Викторовна.

Мы с Димой удивленно переглянулись.

Сначала все было нормально. Говорили о делах компании. Салтычиха давала назначения мастерам и менеджерам. Отчитывала Сергея Олеговича за низкие продажи. Потом начался дурдом. Ольга Викторовна поднялась, взяла статуэтку и на ладонях подняла ее над головой. Закатив глаза, она монотонно запричитала:

Птица-синица,
К небу лети.
Птица-синица,
Продажи подними.
Птица-синица,
Долги заberi.
Птица-синица,
Врагов прогони.

Опустив головы, паства глухо повторяла заклинание. Зяблик отбивал ритм ладонью по столу. Голос Ольги Викторовны становился все громче и громче. Темп ускорился, вскоре нельзя было разобрать слов.

Спрятав лицо в ладонях, Дима еле сдерживался от смеха. Я пожалел, что так далеко сел от выхода.

Потом все стихло, секретарша взяла со стола пульт и направила на проигрыватель в углу. Заиграла странная музыка. Это были индийские мотивы с электронными сэмплами. Работники постепенно выходили из транса, открывали глаза. Ольга Викторовна стала приближаться к своим адептам и прикладывать статуэт-

ку к их головам. Затем бронзовая синица касалась левого и правого плеча. Когда дошла очередь до Димы, он попытался увернуться.

— Не нарушайте гармонию, юноша! — строго проговорила начальница.

После ритуала все громко аплодировали. А секретарша ходила с тубиком и чем-то вонючим мазала лбы сотрульников.

— Диман, — сказал я на улице, вытирая лоб носовым платком, — что за херня здесь происходит?! Блин, да они же все конченые психи! Валить надо отсюда!

— Что поделать, — усмехнулся он, — корпоративная шиза. И такое бывает. Давай до зарплаты дотянем, а там видно будет.

Дима потер лоб и поднес пальцы к носу:

— Слушай, а тебе не кажется, что нас измазали птичьим дерьмом?

* * *

Подкралось время аванса.

— Ну что, обмоем? — сказал Дима, выходя из бухгалтерии.

— Да я, вообще-то, не пью.

— Я, что ли, пью. Пузырек раздавим и разбежимся.

Зашли в супермаркет, купили водки и закуски. Расположились на лавочке в соседнем дворе.

Я быстро напился. Пытаясь закурить, то и дело ронял сигареты на асфальт. Коллега мой тоже захмелел, но еще держался.

Когда стемнело, Дима вызвал такси, и мы, рассудку вопреки, наперекор стихиям, отправились к нему. Жил он в другом конце города, в спальном районе. Притормозили у подвальчика с сияющей вывеской «Грог». Дима выбрался из такси, забежал в магазин. Вернулся через минуту с четырьмя бутылками водки и трехлитровым снарядом пива.

— Куда? — простонал я.

— Не хочешь — не пей. Поехали, шеф.

Втиснулись в крохотную хрущевскую кухню. Газовая колонка советских времен с выцветшими наклейками от жвачки, грязные тарелки в пожелтевшей раковине, на плите закоптившаяся кастрюля. Пахло чем-то протухшим. Я открыл форточку и присел на табурет. Дима уговорил меня выпить пару стопок.

— Ты единственный адекватный человек в офисе, — говорил он, вливая в себя огонь-воду, — все остальные либо сволочи, либо на голову присевшие. Анька — дура набитая, Сергей Олегович — тюфяк, о Зяблике я вообще молчу. Все выслуживаются, друг на друга стучат. Короче, мрак. Да еще и ритуалы эти шизоидные...

Я прошел в комнату и завалился на диван. Но уснуть удалось только под утро. Ночью у Димы малость съехала фуражка.

— Отойдите!!! Умоляю, отойдите!!! Я сам!!! Я сам!!! — раздавался его пьяный рев.

Потом он стал звать кого-то на помощь, ползая по-пластунски в коридоре.

— Подъем, боец, на работу пора! — услышал я с утра бодрый армейский клич.

По телевизору шла программа «НТВ утром». Рыжая ведущая с идиотской улыбкой рассказывала о том, какие трудности поджидают сегодня «водолеев». В комнате были только диван, телевизор, напольные весы и две гири.

Дима оделся, убрал недопитую бутылку в спортивную сумку и вызвал такси. Затем глотнул пива из баллона и тоже спрятал в сумку.

* * *

В офис прибыли на час раньше. Охранник на проходной долго и недоверчиво всматривался в наши лица, но пропустил.

— Время еще есть, в переговорной зависнем, — сказал Дима, поднимаясь по лестнице. В сумке колыхались бутылки.

Мы вошли в зал переговоров и сели за стол. Дима достал водку и хлебнул из горлышка.

— Будешь?

— Не, неохота.

— Ну и зря.

В переговорную заглянула секретарша. Дима успел спрятать бутылку под стол.

— А че это вы тут делаете в такую рань? — улыбаясь, спросила она.

— Заходи, Наташ, не стесняйся, — привстал Дима, — давай иди ко мне, я твою попку помну.

— Вот придурки, — фыркнула секретарша и захлопнула дверь.

— Шалава! — широко размахнувшись, Дима бросил в дверь водочную крышку.

— Ну все, — сказал я, — спалились. Наташка сто пудов сдаст.

— Пусть попробует, я ей ноги вырву.

— Уволят.

— Меня? Ага, щас. Ну уволят, а кто тогда их вонючий фарш продавать будет?! Олегыч, что ли? Этот балбес?! Не смеши.

Потом Дима спустился на производство и стал обниматься с перепуганными обвальщицами. Предлагал выпить на брудершафт главному инженеру. Расцеловал уборщицу тетю Инну. Та покраснела и раскудаhtалась:

— Ух ты, бог мой! Ух ты, бог мой!

До проходной нас довел начальник службы безопасности. Худощавый усатый дядька, майор в отставке.

— С...я кровь, — процедил Дима, когда мы оказались за воротами. — Ну ладно, хрен с ними, с уродами, пойдем выпьем.

— Ты вообще нормальный, нет?! Какого хрена ты на производство-то поперся?! Черт, что я теперь Маринке скажу?!

— Скажи, что послал эту шарагу на х...

— Мудак!

Я закурил и пошел к автобусной остановке. Как раз подъезжала моя маршрутка. Опустившись на заднее сиденье, я заплатил за проезд. В окно увидел, как Дима перебежал дорогу и нетвердо зашагал в сторону супермаркета. Заметив меня, он поднял руку и показал знак «виктори».

* * *

Дома я осушил литровую банку молока, разделся, лег на кровать и сразу уснул. Вечером, когда Марина вернулась с работы, был скандал. Новость о моем увольнении привела ее в ярость.

— Урод! Скотина! Даже месяца не продержался, падла! — кричала она, бросив в прихожей пакет с продуктами.

* * *

На следующее утро я проснулся от телефонного звонка. Глянул на экран, звонил Дима.

— Кирилл, привет. Мне сейчас Ольга Викторовна звонила. Короче, к двум нам нужно в офис подъехать.

— О как, — поднялся с кровати я, — а зачем?

— Огрэбать будем, вот зачем.

Вошли в приемную.

— Наташ, — сказал Дима, — прошу прощения за вчерашнее.

Секретарша промолчала.

Ждали минут десять. Дима нервно теребил металлический браслет на часах. Из кабинета начальницы вышел Сергей Олегович. Улыбнувшись, он поздоровался с нами за руку.

— Можете заходить, — разрешила Наташа.

Поднялись с дивана и прошли в кабинет. Выслушав наши корявые объяснения, Ольга Викторовна спросила:

— Вы что, алкоголики?

— Нет, — ответил я, — ни в коем случае.

— Просто так вышло. Случайно, — добавил мой собутыльник.

Она вздохнула, сняла телефонную трубку и нажала на кнопку:

— Наташ, через пять минут собери всех в переговорной.

«Сейчас устроит публичную расправу», — подумал я.

Ольга Викторовна вернула трубку на «базу» и проговорила:

— Просите прощения у коллектива, и мы все дружно забываем о вчерашнем дне.

Я облегченно выдохнул.

— Я же говорил, не уволят, — сказал Дима в коридоре, — а ты уже и в штаны навалил.

* * *

Суровые будни затянули свою скучную балладу. Я в поте лица «пиарил», Дима продавал, Аня доламывала оргтехнику. Ритуалы с бронзовой синицей проводились каждую пятницу. Но я привык. Скажу больше, я втянулся. С нетерпением ждал конца недели, чтобы снова погрузиться в коллективный транс. Это расслабляло и наполняло энергией. Внутри поднималась волна счастья. Как в детстве. Я даже придумал свое фирменное движение. Сцепив руки за головой, вращал корпусом вправо-влево. Для меня это было что-то вроде релаксирующей игры. Но сотрудники, я думаю, относились к ритуалу со всей серьезностью. Только Дима все никак не въезжал. Сидел и, опустив голову, бормотал заклинание. Даже не бормотал, а беззвучно шевелил губами.

* * *

После новогодних праздников мне предстояло съездить в Питер на трехдневный семинар. Семинар назывался «Основы практического пиара». Вести его должен был модный «пиараст» по фамилии Мигин. Денег выдали в обрез. Чтобы сэкономить на гостинице, я решил остановиться у старшего брата. Отыскал его номер, позвонил.

— Конечно, приючу, братишка! — радостно кричал он в трубку. — Ё-мое, как я рад тебя слышать!

Я доехал до вокзала и купил билет на проходящий поезд из Уфы.

* * *

В плацкарте было душно и воняло чем-то прелым. Я загнал сумку под нижнюю полку, снял куртку и потянулся к форточке. Но тут же услышал недовольные женские возгласы. В вагоне ехали дети, они могли простудиться. Напротив меня, с книгой в руках, сидел молодой парень. Ежик черных волос, широкие скулы, маленькие с прищуром глаза. Представился Русланом. Он ехал к своей возлюбленной в Ярославль. Позже выяснилось, что Руслан — религиозный фанатик. Когда я отправился покурить в тамбур, Руслан покачал головой и погрозил пальцем:

— Бросал бы ты это дело. Когда выпускаешь дым, становишься похожим на дьявола. «Ну все, — подумал я, — началась плацкартная проповедь».

Покулив, я вернулся в натопленный до одурения вагон.

— Сексуальные связи до брака — это блуд, — заявил мой попутчик, увидев в журнале на столике полуголую девушку, — а блуд от дьявола.

Мимо прошел высокий, голый по торс парень с вафельным полотенцем на шее.

— А сам-то ты женат? — спросил я, глотнув минералки из пластиковой бутылки.

— Пока что нет, но хочу сделать предложение, — радостно сообщил он, — мы с Ириной долго общались в сети, на православном форуме.

— Так ты не видел ее, что ли?

— Почему не видел, фотки присылала. Мы хоть и верующие, но не ретрограды, идем в ногу со временем.

— А, ну тогда молодцы, поздравляю.

Проползли мимо какого-то полустанка с кирпичной постройкой и ржавым покосившимся ограждением.

Руслан признался, что раньше был мусульманином, но отрекся от веры. О причинах умолчал, ловко соскочив на другую тему. Вздохнул рассказывал о Боге и христианском смирении. Потом стал впаривать какие-то брошюры. Чтобы отвязался, я, не глядя, сунул их в карман и забрался на верхнюю полку. Несмотря на это, Руслан продолжил свою проповедь. Говорил он теперь сам с собой, обращаясь в пространство.

Раздался громкий смех пожилого башкира. Он снова обыграл свою жену в карты.

Прибыли в Ярославль в одиннадцать вечера. Слышались протяжные гудки. Из вокзального громкоговорителя вещал сдавленный женский голос. На платформе сустились редкие встречающие.

— Ну что, попутчик, будем прощаться? — проповедник убрал сланцы в сумку-тежку и надел куртку.

— Счастливо, невесте привет, — я пожал его ладонь.

— У тебя все будет хорошо, — пообещал Руслан, — только не забывай молиться.

Волоча за собой сумку, он стал протискиваться к выходу.

Минут через десять поезд тронулся. Свет от фонарей заскользил по стеклам. Вагон мягко покачивался, слышался размеренный перестук колес. Меня сморило в сон.

Снилась мне Ольга Викторовна. Она была в образе библейского пророка Моисея. С растрепанной седой бородой, с посохом, в длинном сером хитоне и кожаных сандалиях. Высоко поднимая колени, она скакала вокруг огромной золотой статуи синицы посреди пустыни. Рядом стоял на коленях Зяблик. Он рыдал и хлестал по своей спине плетью с металлическими наконечниками. Спина была лилового цвета, многочисленные сеченные раны кровоточили.

* * *

Брат встретил меня на перроне. Падая мокрый снег. Часы на здании вокзала показывали десять тридцать утра. Люди то и дело задевали меня тяжелыми сумками.

Женя изменился. Пополнел, светлые волосы на макушке заметно поредели. Мы обнялись, и он перехватил у меня сумку.

— Ну чё, — улыбнулся брат, — шмотьё закинем и прогуляемся? Сколько ты уже в Питере-то не был?

— Мне бы душ принять, а то провонял весь в этом скотовозе.

— Ну это само собой.

Квартира была просторная, с высокими потолками. Под ногами стелился потертый линолеум с еле различимыми витиеватыми узорами.

Брат что-то бросил в микроволновку и поставил таймер. Я принял ванную, переоделся, прошел в кухню, сел за стол.

На обитой вагонкой стене висел небольшой ЖК-телевизор. Показывали «Ежика в тумане». Любимый декадентский мультфильм моего детства.

Я отыскал в сумке «цифровик», и мы с братом вышли из дома.

На Дворцовой площади к нам подбежал запыхавшийся толстяк в белом парике под восемнадцатый век и лоснящемся камзоле красного бархата. На груди висел бэйджик с надписью «Григорий Орлов». За триста рублей граф предложил сфотографироваться со своей знаменитой спутницей. Екатерина Алексеевна курила в створонке. На ней были короткая облезлая шубейка и серебристое платье с необъятным подолом. Екатерина улыбнулась нам, хихикнула и швырнула окурок на сырую брусчатку. Мне показалось, что императрица была пьяна.

— Ну так как? — приставал дотошный самозванец. — Всего триста рублей, два снимка за пятьсот, не пожалеете! Не хотите со мной, сфоткайтесь с Екатериной!

— Отвали, — рявкнул брат, — мы коммунисты.

— Понял, — привычно отреагировал граф и поспешил к следующей жертве.

Моложавый азиат в очках снимал на «планшет» Зимний дворец.

Побывали в Кунсткамере, в Михайловском дворце, доехали до Исаакиевского собора.

Брат то и дело меня торопил, нервно поглядывая на часы.

— Ну что, в Эрмитаж? — сказал я, листая фотографии на фотоаппарате.

— Хм, наивный, да туда не пробьешься. Это надо было с утра очередь занимать.

— Хорошо, твои предложения.

— Да есть одна мыслишка...

Подойдя к остановке, Женя вытянул руку.

Остановилась грязно-белая «десятка». За рулем сидел мужчина лет шестидесяти, в вязаном свитере с высоким горлом. Брат занял место рядом с водителем, я устроился на заднем сиденье. В салоне было накурено, по «Авторадио» передавали новости.

— Нет, — покачал седой головой водитель, — никогда в этой стране порядка не будет без нормального мужика у штурвала.

— А у вас и кандидат припасен? — язвительно спросил брат.

— Да какой, на хрен, кандидат! Ты только посмотри на эти хари, сынок! Ворье на ворье кругом. Вот в той же Белоруссии, например, порядок. Что уж они лучше нас, что ли? Нет, те же славяне, братья. А все потому, что там батька, хозяин. Если кто рыпнется, тут же по лбу получит. Его бояться и уважают. А у нас развели бардак. Свободы захотели, мать их!

Приехали на Невский. Женька расплатился, и мы выбрались на холодную промозглую улицу. Где-то в районе Мойки брат заглянул в винный погребок и купил две пластиковые бутылочки белого разливного вина. Одну протянул мне.

— Красное не пью, — объяснил он, — давление.

Отвинтил крышку, слегка стукнул донышком по моей бутылке и сделал большой глоток.

Достал сигареты, закурил.

— Есть тут неподалеку одно местечко душевное, — сказал он, — пиво чешское, живая музыка, зайдём?

— Ну если ненадолго, у меня семинар завтра с утра.

— Как скажешь. Идем.

* * *

Бар уютно гудел. Под потолком лениво вращались лопасти вентилятора. В углу стоял бутафорский байк с логотипом «Harley-Davidson» на бензобаке. На низкой

сцене выступали музыканты. Один, с длинными волосами, перебирал струны полуакустической гитары. Другой, бритый наголо и с татуировкой на шее, стоял за диджейским пультом. Получался неплохой синтез электроники и гитарной лирики.

Мы расположились у барной стойки. Бармен в черной майке «Ramones» придвинул к нам два бокала светлого пива и блюдо с соленым арахисом, поменял пепельницу. Мы стукнулись бокалами и сделали по длинному глотку. Я забросил в рот орешек.

— Валишь тебе надо, Кирюх, из своей клоаки, — сказал Женя, закуривая, — у вас перспектив — ноль. Вот ты сколько получаешь? Если не секрет, конечно.

— Пятнадцать тысяч, — ответил я, вытянув из пачки сигарету.

— Да ты че! У нас вообще таких зарплат нет! Даже бармен, вон, и тот, я думаю, тридцатку имеет, и это как минимум. Как ты живешь на эти гроши?

Я пожал плечами. Прикурил от протянутой зажигалки:

— По кабакам не хожу.

— Ой, да при чем здесь кабаки, — вздохнул Женя, — ты вообще в курсе, что у нас галимый грузчик и тот больше зарабатывает. Гастерам больше платят. А ты в своей деревне копейки считаешь... Разве тебе не обидно? Ты, это, давай мозги не трахай, — он хлопнул меня по плечу, — бери свою Маруню, и приезжайте в Питер. Первое время можете у нас пожить, все равно одна комната пустует.

— Хорошо, Жень, я подумаю.

— Хм, подумает он. Да че тут думать, ноги в руки — и вперед!

Брат вкрутил окуроч в пепельницу и заказал еще два пива.

Музыканты заиграли «Linkin Park» песню «Numb». Вокалист довольно сносно вытягивал припев.

Женька отправился в туалет, прихватив с собой недопитую бутылочку вина. Я глотнул из бокала, докурил сигарету.

Гитарист дернул струны и что-то завыл на английском.

Вернулся Женя. На его лице сияла довольная ухмылка.

— Видел бы ты сейчас рожу того парня в туалете. Короче, заходит он поссать и видит, как я допиваю вино из бутылки.

— И что? — не понял я.

— Да оно же по цвету моча мочой. Я сразу понял, че он палит, и говорю ему: не обращай внимания, чувак, это уринотерапия, врачи прописали от гастрита. А он испугался чего-то, стоит у писсуара с расстегнутой ширинкой, расслабиться не может. Ну я быстрее вышел, чтоб его не смущать.

Выпили еще по пиву, и брат сказал:

— Че-то скучно здесь, может, в клуб рванем?

— А пойдем, — махнул рукой я. Пиво все-таки дало о себе знать.

Вышли из бара. На улице стемнело. В свете фонарей различался падающий снег. Шагали по узкому тротуару. Улица уходила вниз. У металлической двери с мигающей бордовой вывеской «Cherry love club» нас остановила девушка. Высокая блондинка с длинными волосами. Симпатичная, хотя и заметно потасканная.

От холода она приплясывала и прятала подбородок в вязаный шарф, свисающий до колен.

— Добрый вечер, молодые люди. Приглашаем посетить «Черри лав клуб». Вас ждет зажигательное выступление наших лучших танцовщиц, а также...

— Так что же еще нас ждет, красавица? — Женя обнял девушку за талию.

— Много чего, — заулыбалась блондинка.

— Прекрасно. А как зовут красоту?

— Катя, — хихикнула она.

— Вот что, милая Катя, — сказал брат наигранно-серьезным тоном, — мы с удовольствием посетим ваш клуб, но при условии, что вы составите нам компанию.

— Хорошо.

Она высвободилась из Жениных объятий, шагнула к двери и нажала на кнопку звонка. Дверь открыл высокий человек в черном костюме.

— Только я попозже подойду, где-то через полчаса, ладно? — сказала Катя.

— Уговорик, красавица, будем ждать.

Мы вошли внутрь. Двухметровый охранник, гардеробщик по совместительству, принял у нас куртки и скрылся в гардеробе. Через секунду он вышел и закрыл входную дверь на ключ.

— Жень, — сказал я, — может, двинем отсюда, здесь как-то стремно.

— Да не ссы ты.

В клубе мы были единственными посетителями.

К нам приблизилась девушка в блузке с глубоким декольте и строгой черной юбке до колен.

— Добрый вечер! Рады вас видеть в «Черри лав клуб»!

— Давайте показывайте, где тут у вас можно культурно отдохнуть, — потер ладони Женья.

— Пожалуйста, проходите в зал, — улыбаясь, официантка указала на дверной проем со свисающими пластиковыми цепочками.

Отдернули позвякивающую завесу и шагнули в залитое красным светом помещение. Играло приглушенное «RnB». В центре, на небольшом возвышении, обнимая крепкими бедрами блестящий шест, извивалась девушка со смуглой кожей и красивой высокой грудью. Танцовщица проделывала на шесте немыслимые акробатические пируэты, однако смазливое личико ее оставалось спокойным и сосредоточенным.

Мы уселись на кожаный диван, рядом с низким стеклянным столиком.

— Меню, пожалуйста, — официантка вручила нам папки и, не переставая улыбаться, скороговоркой произнесла:

— Делаете заказ, и получаете в подарок графинчик водки, и, если хотите, наши девушки могут составить вам компанию.

— Конечно, хотим, — Женья бросил меню на столик, — значит, так, девушка. Принесите нам винца. Белого, полусладкого, но не слишком дорогого. Что еще... шоколад, ну и фруктов каких-нибудь.

— Хорошо, — кивнула официантка и поплыла в сторону бара.

— И графинчик не забудьте, — крикнул Женья.

Смуглянку на шесте сменила худенькая танцовщица, лет семнадцати на вид. Девушка то и дело оступалась на своих высоченных пластиковых каблуках-ходулях.

— Ну ты че приуныл? — закурил брат и положил ногу на ногу. — Ты только посмотри, какие веревки перед тобой пляшут.

— Это, конечно, все круто, — ответил я, разглядывая ламинированные страницы меню, — вот только цены здесь адские. Смотри, самая дешевая бутылка вина — четыре штукарка, офигеть!

— Сколько? Они чё там, вообще с дубу рухнули?! Кирюх, не в службу, а в дружбу, сходи отмени заказ, а?

Но не успел я подняться, как появилась официантка и, чуть согнув ноги в коленях, стала ловко перемещать вино и фрукты с подноса на столик.

— Девушка, девушка, одну минуту, не торопитесь, — сказал Женья, поднимаясь, — просим прощения, но вы можете все уносить обратно. Мы уходим. Пойдем, Кирюх.

С пухлого лица официантки моментально слетела казенная улыбка.

— Заказ сначала оплатите, уходят они. С вас шесть чепыреста, — отчеканила она визгливым провинциальным говорком.

— Эй, але, притормози, родная, — сказал Женька, — мы ничего не трогали.

— Какая разница, вино-то я уже открыла, — официантка чуть отступила, прижала поднос к груди, словно закрывалась щитом.

— Ариведерчи, — сказал брат и зашагал к выходу. Я за ним.

Охранник, увидев нас, лениво поднялся со стула и прошел в гардероб.

— Артур, — выскочила из-за стойки барменша, — не выпускай их, они счет не оплатили.

Громила вернулся и встал в проходе, скрестив руки на груди.

— Ребят, если вам не нужны проблемы — лучше заплатите, — посоветовала официантка.

— Это у вас будут проблемы, если ваш бык не откроет эту гребаную дверь! — наступал Женя.

— Ты за базаром следи, — прогремел вышибала.

— Платите шесть четыреста, и свободны, — сказала официантка.

— Да ну! А тебе не завернуть?! — злобно расхохотался брат.

— Ну ладно, сами напросились, — пригрозила официантка и решительно зашагала прочь.

Из соседнего помещения вышли двое парней. Коротко стриженные, бандитского вида. Один высокий, в синих джинсах и черной майке, другой пониже, в серой камуфляжной форме.

— Че за дела? — спросил «камуфляжный».

— Клиенты в отказ идут, — насмешливо объяснила официантка, — платить не хотят.

Выбежали танцовщицы. Резко пахло сладким запахом духов. Чулочки в сеточку, яркая помада, раскрасневшиеся лица в блестках. Поддерживая друг дружку за локотки, девчонки с любопытством наблюдали за происходящим и перешептывались.

— Пацаны, вы не правы, — сказал «камуфляжный».

— Если не правы, вызывайте мусоров, — пафосно прикурил брат, — денег нет.

— Пускай тогда друган твой за бабосами съездит, а ты останешься, — сказал бритый, в синих джинсах.

— Правильно, — ткнула в меня пальцем официантка, — пусть бородатый за деньгами сгоняет.

— А вы ниче не попутали, ребят? — заступился брат.

— Слышь, ты ваще штоль не догоняешь?! — заорал «камуфляжный», подойдя к Женьке вплотную. — Я же шас тя убью, дурак!

Обстановку разрядила внезапно пришедшая блондинка-зазывала. Та самая, которую брат клеил у входа. Женька расцвел. Сразу же отыскалась банковская карточка, и злополучный заказ был оплачен. Бойцы заползли в свою подсобку, а мы с братом, с блондинкой Катей и двумя стриптизершами сели за столик. Официантка засияла прежней улыбкой и принесла графинчик водки. Вино, шоколад и фрукты быстро употребили девушки. Брат налегал на водку. Я тоже выпил рюмку, успокоил нервы. «Семнадцатилетняя» стриптизерша, накручивая на палец светлый локон, откинулась на спинку дивана и забросила свои худые, гладкие ножки мне на колени. Попросила у брата сигарету.

На столике появились пять стопок текилы, тарелочка с дольками лайма и блюдце с солью. Все дружно чокнулись. Брат выпил с блондинкой «на брудершафт» и поцеловал ее в засос.

Потом они отправились в VIP-комнату поплескаться в джакузи. А я со стриптизершами переместился в бар. Барменша по имени Алина угостила нас водкой.

— За счет заведения, — приговаривала она, наполняя составленные в ряд стопки.

Алина вела себя странно. То и дело забегала в VIP-комнату, но быстро возвращалась и наливала снова.

Пьяный, я сидел рядом со смуглянкой, упираясь локтем в барную стойку. Поглаживал круглое колено девушки и нес какую-то ахинею про Сонечку Мармеладову.

— А можно узнать ваш номер телефона? — растягивая слова, невнятно пробормотал я.

— Мой номер стоит пять тысяч рублей, — ответила танцовщица, прикуривая тонкую сигарету.

— Вот что и требовалось доказать, — чему-то обрадовался я.

Алина придвинула к нам два фирменных коктейля — ром с вишневым соком. Опять за счет заведения. После коктейля мне совсем захорошело. Рома барменша явно не пожалела.

Пришел в себя я только на улице. Раннее утро, холод, свет витрин и вывесок, редкие автомобили. Женя стал ловить частника.

— Слушай, у тебя деньги есть?

— Да рублей четыреста осталось, — ответил я.

— Хорошо, доехать хватит. Ты представляешь, меня на сорок рубэнов обули. Барменша, с..., заваливает в джакузи и говорит: «Там ваш друг кое-что заказал, расплатиться бы». И это в самый неподходящий момент! Ну ты понимаешь. Короче, отдал ей карточку, чтоб она быстрее свалила, еще и код сказал, дурак.

Притормозила «дэу нексия», мы загрузились в машину.

* * *

Уснул я в шесть утра, а уже в девять, жадно глотая минералку, ехал на семинар. Тошнило, болела голова. Мой батя съедая с бодуна сразу две упаковки аскорбиновой кислоты с глюкозой. Мне надо было срочно найти какой-нибудь аптечный киоск и воспользоваться отцовским опытом. Маршрутка была переполнена, но я успел занять освободившееся место. Передо мной восседали две женщины в одинаковых меховых шапках.

— Нет, я вообще не понимаю, как она живет, — сокрушалась сидящая у окна, — ведь трое детей и ни одного мужа.

В небольшую аудиторию коммерческого института набилось человек тридцать. Люди самых разных формаций и возрастов. От модно-небрежных очкастых хипстеров до солидных лысеющих дядек в белых рубашках и пиджаках. Я сел за третью с конца парту, дождал аскорбинку, запил купленным в холле кофе. Мой сосед, парень в серой толстовке с капюшоном, снимал на смартфон выступление гуру.

Я достал блокнот с ручкой.

— Зачетный дядька. Харизматичный, правда? — сказал парень и посмотрел на меня.

Я кивнул.

Мигин рисовал маркером на доске хитрые схемы и делал корявые пометки. Это был невысокий, лет сорока-сорока пяти мужчина, с легкой небритостью и густой седеющей шевелюрой. Говорил он медленно и обстоятельно, словно обдумывал каждое слово. На меня это действовало усыпляюще. Я выскользнул из аудитории и прошел в туалет. Поплескал на лицо холодной водой. Затем спустился в холл и купил в автомате кофе.

Когда я поднимался по лестнице, позвонил Дима. Судя по голосу, пьяный.

— Затрахаи меня эти «Синицы»! — кричал он в трубку. — Все, на..., увольняюсь!

— Что там у вас еще произошло? — поморщившись от громкого голоса, спросил я.

— Викторевна вообще с башкой не дружит! Отправила меня в командировку в Тулу, а командировочных не дала. Даже водитель, прикинь, без бабла поехал. «Газелька» поломалась в дороге, еле выкрутились. — Дима на секунду смолк, коротко выдохнул и что-то проглотил. — Хорошо, у меня своего налика было немного, — про-

должил он, — а то вообще была бы жопа... Да плюс ко всему эта дура отправила заказчику образцы с тухлым фаршем! Ну это же вообще финиш! И кто после этого с нами работать станет!

Связь прервалась. Я допил кофе, выбросил стаканчик в пластиковую урну и вернулся в аудиторию.

* * *

Теорию Мигин читал во вторник и среду, а в четверг, в последний день семинара, провел практические занятия. Разбившись на группы по три человека, мы придумывали пиар-акции и устраивали презентации. Мигин выставлял нам оценки, как в школе. После занятий все собрались в актовом зале. Под торжественную музыку наш гурзу вручил каждому свидетельство о прохождении курса «Практический PR». Это была бумага из плотного глянца формата А4, с золочеными буквами и размашистой росписью. Подобную грамоту я однажды получил в летнем лагере, когда занял третье место в соревнованиях по прыжкам в длину. Помощница Мигина, светлая девушка с рыжими волосами, раздавала книги в мягком переплете. Я взглянул на яркую обложку: Рон Харбор «Самопознание». Отличное дополнение к подаренным моим попутчиком брошюрам «Бог в твоём сердце» и «Тайники души».

* * *

До Московского вокзала доехали на такси. Поезд отходил в двадцать один сорок пять.

— Дяде Саше с тетей Верой привет передавай и супруге кланяйся, — Женька затащил мою сумку в тамбур и вернулся на перрон.

— Хорошо, — ответил я, прикурив сигарету.

— Ребята, давайте поживей, поезд отправляется, — сказала проводница в синей форме и в пилотке с кокардой.

— Сейчас-сейчас, — махнул рукой брат.

Мы обнялись, и я шагнул в вагон. Проводница закрыла дверь.

Рядом со мной сидел парень с длинными волосами. На нем были черные джинсы и майка «Immortal». На запястье я заметил татуировку в виде пентограммы. Парень стучал по клавишам ноутбука. Полку напротив заняли полный мужчина в клетчатой рубашке и интеллигентного вида девушка в роговых очках. Покулив в тамбуре, я вернулся на свое место. Раскрыл Харбора, но меня потянуло в сон.

Я захлопнул книгу, встал, разложил на верхней полке свернутый матрас и расправил простыню. Затем бросил подушку к стенке, снял кроссовки и взобрался наверх.

В вагоне приглушили общий свет. Я быстро уснул.

* * *

Дима и вправду уволился. Секретарша рассказала, что он получил зарплату и сразу написал заявление. Но на следующий день, пьяный в хлам, хотел прорваться в офис.

— С...! Пропустите меня, ублюдки! — кричал он, — твари, я все равно до вас доберусь!

Охранники на проходной с ним не справились, пришлось вызывать ментов. Зяблик посоветовал заодно вызвать дурку.

С Димой мы больше не виделись. Несколько раз я пытался до него дозвониться, но телефон был отключен.

Как-то раз в курилке я разговорился с Зябликом. Он рассказал по секрету, что ритуальные заморочки у начальницы начались около пяти лет назад. Были проблемы

с бизнесом, висела куча кредитов, предприятие разваливалось. Салтычиха впала в депрессию. Ни с кем не разговаривала, стала выпивать. Муж даже хотел показать ее психиатру. Но потом ее вдруг осенило. Она поняла, что на ней — порча. Знакомая посоветовала съездить в какую-то глухую деревню под Владимиром к бабке-ведунье. И Салтычиха поехала. Бабка поводила свечкой над ее головой и подтвердила опасения начальницы. На ней была порча. За некоторую сумму деревянных порчу ведунья сняла. А потом сказала: «Чтобы дела шли хорошо, надо назвать фирму в честь какой-либо птицы (раньше компания называлась „Сударыня“), смастерить тотем-оберег и раз в неделю читать заклинание». Ольга Викторовна все сделала так, как было велено, и бизнес действительно пошел в гору.

Каждый месяц Салтычиха ездит к бабке в деревню. Карму почистить да совет добрый выслушать. Оставляет там немалые деньги. Еще Зяблик признался, что сотрудники в эту пятничную ахинею не верят, а только подыгрывают. Каждый дорожит своим местом, ведь работу сейчас найти трудно.

* * *

В прошлом месяце Ольга Викторовна заплатила мне только половину оклада.

— А ты что думал, — сказала она, когда я вошел в ее кабинет, — поездку в Питер надо как-то компенсировать.

— Я туда не напрашивался, — буркнул я.

— А это не важно. Вот договор с твоей подписью, — она порылась в столе и протянула распечатанный на принтере лист бумаги.

Под мелким текстом действительно значилась моя корявая детская завитушка. Хотя я не помнил, чтобы где-то расписывался.

— Убедился? — Салтычиха убрала лист в ящик стола. — Кстати, твое обучение мне встало в шестьдесят тысяч рублей. Все понятно? Деньги я буду вычитать из твоего оклада. Иди работай.

Февральской зарплаты мне хватило только на сигареты. Ольга Викторовна предложила подработку. После работы и по выходным я был ростовой куклой. Облаченный в поролоновую синицу с пластиковым клювом, раздавал прохожим рекламные листовки с фирменными пельменями и котлетами. Чтобы дело спорилось, я по совету начальницы бормотал заклинание:

Птица-синица,
К небу лети.
Птица-синица,
Продажи подними.
Птица-синица,
Долги заberi.
Птица-синица,
Врагов прогони.

Однако люди неохотно брали глянцевые бумажки, а если и случалось, то выбрасывали в ближайшую урну.

«Ничего, — мечтал я, подсакивая от холода у торгового центра, — к лету отдам долг и уж тогда заживу. Я ведь теперь специалист...»